

COP 29: результаты и перспективы на будущее

Кокорин Алексей Олегович¹

Подготовлено в рамках проекта Ecomed PU и РЭЦ ЦА «Биоразнообразие и изменение климата: окружающая среда, устойчивость энергетических систем» при поддержке гранта для НПО «Международные инициативы, связанные с COP 29» Министерства экологии и природных ресурсов Азербайджанской Республики совместно с Агентством государственной поддержки неправительственных организаций Азербайджанской Республики

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	2
Введение, общие черты COP РКИК и особенности COP 29	3
Финансовая цель Парижского соглашения и ее дальнейшее развитие	5
Операционализация рыночных подходов к снижению выбросов	10
Нерыночные подходы к снижению выбросов	11
Проблемы адаптации к изменениям климата	12
Гендерные вопросы	14
Прочие вопросы COP	15
Неофициальные мероприятия	17
Оправдались ли ожидания от COP 29?	18
Перспективы на следующие годы	19
ПРИЛОЖЕНИЯ	
«Разрыв» в глобальных усилиях по снижению выбросов парниковых газов	21
«Разрыв» в усилиях по адаптации к изменениям климата	22

¹ Вопросы и комментарии адресуйте автору, консультанту по вопросам климата фонда «Природа и люди» Алексею Кокорину на почту kokorinao@gmail.com, обзор можно скачать на климатическом портале Центральной Азии РЭЦЦА [по ссылке](#).

Список сокращений²

AF	Adaptation fund (ПС)
BASIC	Группа четырех стран: Бразилия, Индия, Китай и ЮАР
CAN	Climate Action Network
COP	Conference of the Parties (COP 29, в данном обзоре встреча в Баку в целом)
CP	Официальные заседания и решения COP как конференции всех сторон РКИК
CMA	Официальные заседания и решения COP как встречи сторон ПС
CMR	Официальные заседания и решения COP как встречи сторон КП
FAO	Food and agriculture organization
FRLD	Fund for response on loss and damage
GCNMA	Глазговский комитет по нерыночным подходам
GEF	Global environment facility
GCF	Зеленый климатический фонд
GGA	Global goal on adaptation (цель ПС по адаптации)
GST	Глобальное подведение итогов
ICAO	International civil aviation organization
IMO	International marine organization
IPCC	Intergovernmental Panel on Climate Change
JT WP	Just transition work program
LD	«Потери и ущерб»
LDC	Least developed countries
LMDC	Like-minded developing countries
LWPG	Lima work programme on gender
MDB	Multilateral development banks
MWP	Mitigation work program
NAP	National adaptation plan
NbS	Naturally based solution
NCQG	New collective quantified goal on climate finance (цель ПС по финансам)
NDC	Nationally determined contribution (ПС)
NMA	Non market approach
NWP	Nairobi work program on adaptation
RM	Response measures
SB	Subsidiary bodies (SBSTA и SBI)
SBI	Subsidiary body in implementation
SBSTA	Subsidiary body on scientific and technological advice
SC	Надзорный орган (ст. 6.4 ПС)
SCF	Standing committee on finance
SIDS	Small island developing states
WEDO	Women's Environment and Development Organization
WIM	Варшавский международный механизм по «потерям и ущербу»
КП	Киотский протокол РКИК
ПС	Парижское соглашение РКИК
РКИК	Рамочная конвенция ООН об изменении климата
РЭЦ ЦА	Региональный экологический центр Центральной Азии

² В данном обзоре большинство сокращений дается на английском, так как они более употребительны в ходе работы COP, чем сокращения на русском языке, используемые в официальных документах РКИК

Введение, общие черты COP РКИК и особенности COP 29

Данный обзор продолжает многолетнюю традицию автора по подготовке аналитических справок до и после каждой COP (предыдущие обзоры [вышли по итогам COP 28](#) и [перед COP 29](#)). Обзор составлен по [документам Рамочной конвенции ООН об изменении климата \(РКИК\)](#), [обзорам каждого дня работы и итоговых результатов COP в бюллетене ENB](#), официальным и неофициальным заявлениям стран, международных организаций и компаний, аналитическим работам и отзывам экспертов. Он рассчитан на широкий круг заинтересованных лиц, представляющих государственные структуры, бизнес и молодежь, НПО и СМИ, как участвовавших в COP 29³, так и тех, кто просто интересуется международной климатической политикой и деятельностью стран по РКИК и ее Парижскому соглашению (ПС). Ниже рассмотрение ведется по группам стран, как правило, развитых и развивающихся государств, наиболее уязвимых стран и мировой общественности. В частности, экологических организаций, объединенных в глобальную сеть [Climate Action Network \(CAN\)](#), и работы ее отделения для стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии ([на русском](#) и [английском](#) языках). Большая детализация сделала бы обзор очень громоздким.

Ежегодная, 29-я конференция РКИК (Conference of the Parties, COP 29) прошла в Баку с 11 по 24 ноября 2024 г., по «доброй» традиции РКИК она завершилась не как планировалось, в пятницу 22 ноября, а рано утром в воскресенье 24 ноября. COP 29 в еще большей степени, чем предыдущие COP, была финансово-организационной встречей. Ее доминирующей задачей была финансовая цель ПС – NCQG. Изначально РКИК и ее Киотский протокол (КП) были ориентированы на снижение выбросов парниковых газов. Однако после заключения в 2015 году ПС, которое привнесло в международную климатическую политику меры адаптации и массированное климатическое финансирование, результаты COP, как официальные решения, так и широкий спектр договоренностей на уровне стран и организаций, прямо или косвенно связаны с финансированием развивающихся стран. При этом контекст COP 29 по выбросам парниковых газов был предсказуемо негативным. Шансы удержаться на уровне 1,5 и даже 2°C глобального потепления очень невелики. Мир в лице крупнейших стран, поставивших цели достижения углеродной нейтральности в 2050-2070 гг. и не спеша к ним идущих, движется по траектории 2,5–3°C. Специально подготовленный к COP 29 [доклад ЮНЕП](#) говорит о «разрыве» между целями ПС и реальными действиями по выбросам (см. ниже Приложение с описанием ситуации).

По данным секретариата РКИК, на COP 29 было около 67 тыс. человек, из которых 33 тыс. делегаты от стран, более 13 тыс. наблюдателей (из них 1880 были гостями, приглашенными Азербайджаном), 3500 представителей СМИ и более 14 тыс. – штат технической поддержки, включая секретариат. Очень многие делегаты от стран и наблюдатели, особенно представители бизнеса, приезжали на «пару» дней для участия в важных для них неофициальных мероприятиях. Поэтому средняя «загрузка смысловыми людьми» была порядка 20 тысяч, что в сочетании с хорошо организованным транспортом, множеством помощников-волонтеров, а также большим числом залов и переговорных комнат сделало COP 29 очень просторным саммитом без длинных очередей.

Работа, как и на прошлых COP, была выстроена следующим образом. В начале прошел World Leaders Climate Action Summit/High-Level Segment, где приняли участие около 100 руководителей стран. Одновременно CP, CMA, CMP, SBI и SBSTA [образовали около 30 контактных групп](#) по различным пунктам их повесток, а также около 10 групп

³ В данном обзоре COP 29 понимается в широком смысле, как вся встреча в Баку в целом, а не только официальные заседания всех Сторон РКИК, называемые CP 29.

для неформальных консультаций. Группы первую неделю COP готовили варианты решений, которые на второй неделе рассматривались на более высоком, министерском, уровне (High-Level Segment Part II). Затем, согласно их мандатам, SBI и SBSTA принимали решения или передавали предложения СМА, СМР и СР. На заключительной стадии по вопросам ПС и КП принимали решения СМА⁴ и СМР, а по РКИК в целом – СР.

Главной особенностью COP 29 была доминирующая роль выработки новой коллективной численной цели по финансам (NCQG), что рассматривается в следующем разделе. Задачей №2 была операционализация рыночных механизмов международного сотрудничества в снижении выбросов (ст. 6.2 и 6.4 ПС), см. ниже третий раздел обзора. Как обычно, перед COP стояли вопросы работы ее многочисленных органов, как рассматриваемые ежегодно, так и новые, в частности, по фонду FRLD (подробно повестки СР, СМА, SBSTA и SBI описаны в [обзоре, вышедшем перед COP](#)).

В самом общем виде «расклад сил» выглядел так. За ускорение и усиление деятельности по «всем фронтам» традиционно выступали Альянс малых островных государств, наименее развитые страны (LDC), группа малых островных развивающихся стран (SIDS), ЕС и развитые страны в целом. При этом позиция США нередко была очень специфичной. На другом «фланге» постепенного развития событий и самостоятельности выбора действий были Арабская группа и Группа ряда развивающихся стран – LMDC, ведомая Китаем, Индией и Саудовской Аравией. Промежуточную позицию, как правило, занимали Группа африканских стран, ЮАР, Бразилия и другие латиноамериканские государства. При этом Китай и в целом [группа BASIC имели собственные приоритеты](#), в частности, противодействия введению торговых барьеров. Также традиционно для РКИК [Китай и США заранее сделали совместное заявление](#), демонстрируя единство крупнейших стран в климатической тематике.

Никто из стран не выражал сомнений в доминирующем антропогенном влиянии на климат в масштабе XXI века, в необходимости стабилизировать ситуацию на относительно безопасном уровне. Большинство стран, в частности, Россия, подчеркивали ключевую роль климатической науки, поддержки исследований и систематических наблюдений, докладов IPCC как базы для принятия решений. Также участники COP были едины во мнении о принципиальной важности транспарентности всех действий, включая выделение и расходование средств, анализ рисков и мер их снижения, особенно действий по ст. 6 ПС (более подробно см. публикации РЭЦ ЦА⁵).

Многочисленные мероприятия и встречи в павильонах стран и организаций, а также семинары секретариата РКИК и организаций ООН были главным делом 80-90% участников. Там обсуждался широкий спектр вопросов, от научно-экологических проблем до критической оценки действий стран, компаний и финансовых институтов. Они – площадка для укрепления сотрудничества, начала партнерских отношений и совместных проектов, выражения мнений о ходе и документах COP. Не случайно говорится, что все COP РКИК проходят в трех форматах: официальные переговоры, встречи и заявления руководителей стран и других высших должностных лиц, неофициальные мероприятия.

⁴ Совещание сторон ПС по составу почтине отличается от СР, так как в ПС участвуют 195 стран, только Иран, Йемен и Сирия – члены РКИК, но не ПС. Однако по сферам деятельности ПС уже РКИК, ПС имеет гораздо больше финансовых вопросов, чем РКИК в целом. ПС более равноправно рассматривает деятельность развитых и развивающихся стран, чем РКИК, где «границы» между ними жестче. Равенство проявляется как минимум в вопросах отчетности и прозрачности действий.

⁵ По трем частям ст. 6 ПС перед COP 29 были подготовлены справки «[Ход и перспективы переговоров по статье 6.2, 6.4, 6.8](#)», которые подготовлены в комплекте с «[Глоссарием по ст.6 и 13 Парижского соглашения](#)» и «[Руководством по транспарентности и связи ст.6 и 13 ПС](#)».

Этот год стал уникальным для стран Центральной Азии. Из пяти стран, четыре представили свои павильоны (три из них были организованы при технической поддержке РЭЦА). Только в конференц-зале павильона «Кыргызстан: Устойчивое развитие горных территорий» было проведено 33 мероприятия (side events). В них приняли участие более 800 делегатов, аккредитованных в переговорной зоне COP 29 (blue zone), из разных стран и организаций, выступило около 276 ведущих экспертов - представителей государственных органов, НПО, частного бизнеса и международных организаций. Из общего числа выступивших - 64% женщины. Дополнительно было проведено более 50 встреч с международными партнерами в очень эффективной традиционной юрте и других переговорных помещениях павильона Кыргызстана⁶.

Финансовая цель Парижского соглашения и ее дальнейшее развитие

В статье 2 ПС указывается на три цели: по ограничению глобального потепления (менее 2°C и стремясь к 1,5°C от уровня XIX века), по адаптации (принята на COP 28, см. [обзор по итогам COP 28](#)) и по климатическому финансированию развивающихся стран. В Париже также было решено, что поток средств от развитых стран к развивающимся к 2020 году должен составить 100 млрд долларов в год, что было достигнуто с опозданием на два года (динамику за 2013–2022 гг. см. [в докладе ОЭСР](#)). Этот поток получил название средств Глобального Севера для Глобального Юга. Теперь нужно было сделать следующий шаг, сообразуясь как с глобальной ситуацией в целом, так и с нуждами развивающихся государств – принять NCQG.

В 2024 году Постоянный комитет РКИК по финансам (SCF) подготовил очередной двухгодичный отчет [Sixth Biennial Assessment and Overview of Climate Finance Flows](#) с обзором ситуации в 2021–2022 гг. (в 2026 году SCF представит отчет за 2023–2024 гг.), где детально описана ситуация с климатическим финансированием в мире в целом, включая различные финансовые инструменты от грантов до зеленых бондов. Видно, что счет идет на триллионы и что в мире деньги есть. В то же время поток средств, мобилизованных развитыми странами для климатического финансирования развивающихся государств, многократно меньше. В докладе представительной аналитической группы [The Independent High Level Expert Group](#), который вышел в преддверии COP 29, наглядно показывается, что нужды развивающихся стран исчисляются триллионами. Такие же выводы содержатся в вышедших перед COP 29 докладах ЮНЕП о «разрыве» между нуждами и действиями [в адаптации](#) к изменениям климата и [в снижении выбросов](#) парниковых газов (см. ниже Приложения).

На политическом уровне рассмотрения NCQG развитые страны предлагали систему двух уровней, при которой центральный, формируемый из государственных и мобилизованных странами средств, окружен обширным инвестиционным уровнем. Развивающиеся государства отвергали инвестиционный уровень, ссылаясь на неравенство в инвестициях, высокую стоимость капитала, неадекватность кредитных рейтингов и другие проблемы, которые невозможно решить в рамках РКИК.

По итогам обсуждений в 2024 году было ясно, что перед делегациями стоят две главные задачи: выйти на численные параметры цели и вовлечь в нее страны, которые не входят в Приложение 1 (развитые страны) и Приложение 2 (наиболее развитые страны) РКИК, но де-факто очень сильны (Китай, ОАЭ, Саудовская Аравия, Сингапур, Уругвай, Чили, Ю. Корея и др.). Они уже вносят немалый вклад в общее дело помощи наиболее

⁶ Автор обзора выражает благодарность Владимиру Гребневу (РЭЦА) за детальные данные о мероприятиях, равно как и за образцовое их проведение.

слабым и уязвимым государствам (этот поток средств получил название Юг-Юг, South - South). Известно подразделение стран по [шкале Всемирного банка](#), однако ее использование в РКИК неоднократно отвергалось. В 2023–2024 гг. вышло немало исследований по категоризации стран, в частности, детальный [доклад ODI](#), но предлагаемые схемы, как правило, не имеют опыта практического использования. В то же время, есть специальный комитет ОЭСР по содействию развитию (DAC, [Development Assistance Committee](#)), ведущий список получателей помощи (ODA, [List of Official Development Assistance](#)). В отличие от неизменного с начала 1990-х разделения стран в РКИК, этот список обновляется. [Его рассмотрение](#) показывает, что есть 135 стран-получателей ODA, не входящих в Приложение I РКИК. При этом 19 стран, не входящих в Приложение I, ODA не получают.

Однако в РКИК только наиболее развитые страны Приложения 2 обязаны платить, а такие как Россия, которая входит в Приложение 1, но не в 2, являются добровольными донорами. РКИК готовилась в 1992 г. и во многом устарела, однако все попытки изменения списков отвергаются, прежде всего развивающимися государствами. Нужно было дать описание новой «донорской базы», не нарушая базовые принципы РКИК, включая добровольность финансовых действий стран, не входящих в Приложение 1.

Проблему «донорской базы» удалось относительно быстро решить разделением численной цели на две части: общую сумму климатического финансирования в развивающихся странах (все климатические средства в Глобальном Юге) и отдельно ее часть – сумму, поступающую от развитых стран (поток Глобальный Север – Глобальный Юг). Идея не нова, она, в частности, еще год назад предлагалась [Independent High-Level Expert Group on Climate Finance](#), причем от миллиардов выводила на триллионы, что было принципиальным пунктом позиций развивающихся стран. За временной горизонт цели был принят 2035 год (с рассмотрением промежуточных результатов в 2030 году).

В итоге в п. 7 [решения по финансовой цели](#) содержится «призыв» (мандат РКИК и ПС не позволяет юридически обязать) ко «всем действующим лицам» работать совместно и довести климатическое финансирование в развивающихся странах из всех государственных и частных источников до 1,3 триллиона в год. Под «всеми лицами» имеются в виду государственные органы, компании и даже домашние хозяйства развивающихся стран, включая их международное сотрудничество (поток средств Юг-Юг), а также средства, поступающие от Глобального Севера. В п. 9 [решения](#) развивающиеся страны призываются к добровольным вкладам в кооперацию Юг-Юг.

При этом в п.3 [решения](#) повторены оценки нужд развивающихся стран в целом из [доклада постоянного комитета по финансам](#) (около 5 триллионов в период до 2030 года или примерно 500 млрд в год), а также их нужд адаптации из [доклада ЮНЕП](#) (до 2030 года примерно 200-400 млрд в год).

Немалые споры вызвало создание нового *фискального пространства (fiscal space)* в развивающихся странах, использующего инновационные инструменты. На неофициальных мероприятиях СОР приводилось немало примеров «трюков» в подсчете средств и неоднозначности ряда инструментов. В итоге [в п. 15 решения](#) указывается на *такие как*: “first-loss” инструменты, гарантии, финансирование в местной валюте в сочетании с “foreign exchange risk instruments”, учитывая национальные обстоятельства. Однако из текста были убраны «обмен долгов на климатические действия», зеленые бонды, добровольные углеродные рынки и «собственный капитал» (“equities”). Также был заменен предлог: вместо фискального пространства *для развивающихся стран* в итоговом тексте говорится о пространстве *в этих странах*. Конечно, текст п.15 не говорит о запрете данных инструментов, скорее отмечена приоритетность «*таких как*», которые не

вызывают возражений у развивающихся стран (напомним, речь идет не о мире в целом, а только о новом фискальном пространстве *в развивающихся странах*).

В целом в решении говорится о множественности источников: государственных и частных, двусторонних и многосторонних, включая альтернативные источники, что допускает их очень широкую трактовку. Деталей не дается, но подчеркивается, что они должны быть существенны для сильных действий по предотвращению и адаптации, а также быть прозрачны в реализации. Несмотря на фискальный характер большинства новых источников, они важны и для адаптации (см. подготовленный к COP 29 доклад по NCQG [The role of different sources for adaptation finance](#)). Заметим, что различные подходы обсуждаются также в рамках подготовки [United Nations Framework Convention on International Tax Cooperation](#).

При этом для США – главного инициатора инвестиционных решений и нового фискального пространства – принципиально важно было, чтобы в решении были ссылки только на ст. 9 ПС⁷ в целом, но не на ст. 9.1, на слово “should”, но не “shall”, что, по их словам, превращало бы политическое соглашение в экономическое и потребовало бы ратификации Сенатом – фактически выходу США из ПС. В решении используются подходящие для США ссылки.

Вторая часть цели (п. 8 [решения](#)) вызвала ожесточенные споры, продолжавшиеся до последнего момента. Развивающиеся страны настаивали на триллионе, позиция Группы 77 и Китая была единой и жесткой – 1,3 трлн средств, мобилизованных развитыми странами для развивающихся. Развитые государства призывали реалистично взглянуть на ситуацию и отталкиваться от 100 млрд, неофициально «циркулировали» цифры 200-300.

Наименее развитые страны (LDC) и малые островные развивающиеся государства (SIDS) настаивали на закреплении за ними 220 и 39 млрд в год, соответственно. Им предлагались различные текстовые варианты (без цифр), подчеркивающие их особые нужды, что в итоге и вошло в решение. Также они были очень недовольны отсутствием в переговорных текстах отдельного финансирования «потерь и ущерба» (ситуации, когда адаптация практически невозможна, нужна прямая помощь в снижении ущерба, вплоть до переселения людей, см. решение по созданию фонда FRLD в [обзоре по итогам COP 28](#)). Этот спорный пункт был решен не в их пользу уже на начальном этапе работы COP 29. «Потери и ущерб» сочли частью адаптации, основываясь на том, что при наличии ст.8 ПС (по «потерям и ущербу») в финансовой ст. 9 ПС однозначно говорится только о двух видах действий: по предотвращению изменений климата и по адаптации к ним. О важности финансирования различных видов «потерь и ущерба» (экономических и неэкономических, чрезвычайных ситуаций и медленно развивающихся событий) в решении говорится, но без численных параметров.

Параллельно с обсуждением «цифры» средств от развитых стран постепенно решались другие задачи: соотношение грантов и льготных кредитов, средств на низкоуглеродное развитие и на адаптацию (более подробно см. обзор в преддверии COP

⁷ В статье 9 ПС слово «shall» (ниже все по официальному переводу данного места на русский - «предоставляют») употребляется в п. 9.1 по отношению в целом к выделению финансовых ресурсов развитыми государствами. Однако п. 9.3 и 9.4, где их действия по выделению средств прописаны более детально, употребляется слово «should» («следует», «должно»). Далее «shall» используется в пунктах, говорящих об отчетности развитых стран. Такое сочетание, по мнению США, позволяет считать, что «shall» в заглавном пункте статьи 9 далее конкретизируется в форме отчетности, а само выделение средств описано словом «should», что говорит о политическом, а не экономическом обязательстве, для которого достаточно решения президента страны.

29 на [сайте РЭЦЦА](#)). Они решались, в основном с помощью перехода от цифр к текстовым описаниям и отсеечения сложных моментов, не имеющих прямого отношения к формулировке двухкомпонентной цели. Убраны были из текста упоминания об уходе от ископаемого топлива и о 2050 году как времени достижения нулевых выбросов (net zero).

Требование 50% не связанных с долгами инструментов “no-debt” (для всех, кроме частных средств) было заменено на текст, призывающий к росту грантовых ресурсов. Также без численных параметров в решении говорится о достижении баланса средств, выделяемых на митигацию и адаптацию (включая в нее «потери и ущерб»).

Требование 20% доли средств для многосторонних климатических фондов, включая образованные РКИК (GEF, Зеленый климатический фонд, новый фонд по «потерям и ущербу» и др.), было заменено на «как минимум утроение» потока государственных средств в эти фонды к 2030 году от уровня 2022 года. Сейчас это [всего около 3%](#) от общего объема климатического финансирования, однако роль данных фондов велика, так как они в наибольшей мере следуют приоритетам наиболее уязвимых развивающихся стран, которым нужны гранты на адаптацию к изменениям климата.

Многие эксперты говорили, что консенсуса «по цифре» средств от развитых стран достичь нельзя. Долго держалась цифра 250 млрд, а [в итоговом решении](#) стало 300. Эксперты не решались напомнить, что в РКИК есть практика «силового консенсуса», когда председатель открывает СМА, тут же говорит про решение и немедленно ударяет молотком, несмотря на желание стран выступить, такое в истории РКИК было не раз. Так и было сделано. После этого Индия, Боливия, Нигерия, а также Малави от имени 45 стран LDC резко протестовали, но их мнения лишь войдут в итоговый отчет. Конечно, они понимали, что при отсутствии консенсуса такое произойдет. У LDC и SIDS была возможность бойкота, заранее уйти из зала, что лишило бы СМА кворума (вспоминая печальный опыт недавней COP 16 Конвенции по сохранению биоразнообразия). Но страны решили не подрывать деятельность РКИК таким образом. Выступивший затем Пакистан сказал, что покидает Баку с «тяжелым сердцем и смешанными ощущениями». В то же время в последующем выступлении ЕС говорилось о начале «новой эры климатического финансирования», когда имеется больше средств, легче доступ, ускоряется поддержка адаптации, расширяется «добровольная база вкладчиков», растет роль многосторонних банков развития в привлечении частных средств. Вероятно, прагматично глядя на ситуацию, эти взгляды верно очерчивают достижения по NCQG.

Теперь решения надо выполнять. Относительно «300 млрд» можно заметить, что нынешние 115 (на 2022 год) к 2035 году за счет инфляции станут близки к 180. Добрать до 300 развитые страны намерены, прежде всего, за счет инновационных и частных средств. При этом ряд оценок, в частности, World Resources Institute, говорят, что различные новые инструменты, включая налоги на авиационные и морские перевозки, а также на богатство и предметы роскоши в принципе могут довести сумму до 300 млрд.

По «1,3 триллиона» ситуация менее понятна. В решении говорится о создании «Дорожной карты к 1,3 Т Баку – Белен» (город в Бразилии, где в ноябре 2025 г. намечено провести COP 30). Ее цель прописана как увеличение климатического финансирования развивающихся стран для поддержки низкоуглеродных и климатически устойчивых путей развития, включая выполнение NDC и национальных планов адаптации, в виде грантов, льготных и не создающих долговую нагрузку инструментов, мер по созданию фискального пространства. Под руководством председателей COP 29 и COP 30 должен быть подготовлен соответствующий доклад, который будет представлен в Белене.

Информации много, в Баку был представлен [обширный доклад SCF](#), где анализируется ситуация с финансированием климатической деятельности в мире в целом.

В нем в 1,3 трлн/г оценивается все климатическое финансирование в 2021–2022 гг. (без учета рынка зеленых бондов, который составляют 2,2 трлн из общего объема бондов, достигающего 30 трлн). Это на 63% больше, чем в предыдущие два года, при этом наибольший рост показал транспортный сектор, за которым следуют энергетика и здания/инфраструктура.

Другим базовым источником информации может служить доклад [Independent High-Level Expert Group on Climate Finance](#) с детальным рассмотрением различных финансовых потоков в развивающихся странах, связанных с климатическими проблемами, «всех действующих лиц» вплоть до домашних хозяйств. Там рассматривается двойная цель, сходная с NCQG, где вместо 1 трлн/г (1,3 трлн минус 300 млрд) «собирается» 1,4 трлн из внутренних источников развивающихся стран, при этом рассмотрение идет без учета Китая. Эти 1,4 трлн составляется из 800-900 млрд государственных и 550-630 млрд частных средств (в них входят и расходы на уровне домашних хозяйств). При этом сейчас государственных средств Юга (без Китая) примерно в 3 раза меньше, а частных в 5-7 раз меньше. При этом вместо 300 млрд от развитых стран поступает 1 трлн, что в сумме дает 2,4 трлн. Распределение 2,4 трлн подразумевает 1,6 на зеленую энергетику, 0,25 трлн на адаптацию, отдельно еще 0,25 трлн на «потери и ущерб» и 0,3 трлн на природный «капитал» и устойчивое сельское хозяйство. Анализ дается на 2030 год, но, вероятно, его можно применить и к 2035 году. Конечно, прямое копирование пропорций вряд ли применимо к NCQG, но наличие в докладе массы информации, вероятно, поможет трансформировать распределение 1 трлн NCQG по источникам и секторам экономики.

Отметим также [доклад World Resource Institute](#), где подробно анализируются опции и возможности стран в финансировании процесса достижения их NDC.

В конце COP говорилось, что теперь многие исследовательские центры срочно начнут работу по анализу опций Дорожной карты 1.3Т. Среди них, вероятно, будет и анонсированная на COP 28 [The Global Solidarity Levies Task Force](#), базирующаяся при Европейском климатическом фонде. Пока ожидается, что в ней будет около 15 стран, а далее она будет расширяться. Официальное представление группы намечено на COP 30.

Наряду с NCQG ПС, на COP традиционно рассматривались вопросы долгосрочного финансирования в рамках РКИК в целом. Однако в данном случае, будучи в «тени» NCQG, они свелись к рассмотрению докладов и решению технических вопросов. Решение СР [о долгосрочном финансировании для борьбы с изменением климата](#) очень краткое. В нем принимается к сведению деятельность по проекту «Финансирование на основе потребностей» (по нему представлен [обширный доклад с анализом нужд](#) более 100 развивающихся стран, сгруппированных в 12 регионов и групп стран, включая анализ приоритетов и специфических проектов и программ). Также был принят к сведению [отчет SCF](#) о достижении цели 100 млрд долл. и дальнейшем прогрессе. По нему шли бурные дискуссии, развитые страны говорили о достигнутом результате, развивающиеся государства ставили это под сомнение.

Кроме этого, СР и СМА приняли технические и организационные решения по текущей работе фондов; GCF, Глобального экологического фонда, FRLD и AF. СМА также принято [решение](#), приветствующее проведенный диалог о сфере применения финансовой цели ПС (пункта 2.1с ПС) ее взаимодополняемости с финансовой статьей 9 ПС. Решено продлить эту работу в 2025 году в виде рабочих совещаний.

В то же время не было принято решений по периодическим рассмотрениям порядка работы и функций ряда органов РКИК: финансового механизма (системы работы фондов), его связи с технологическим механизмом (системы содействия передаче технологий), SCF, Адаптационного комитета, что отражает разные взгляды развитых и ряда

развивающихся государств по процедурным аспектам их работы (на уровне СР или СМА), потенциально влияющих на их роль в финансовых вопросах. Рассмотрение на уровне СМА означает в целом большее «равенство» развитых и развивающихся государств, как минимум в вопросах отчетности и транспарентности действий.

[Решение по NCQG](#) составило основную часть [Бакинского пакта климатического единства](#) (туда также вошли рассматриваемые ниже решения по [адаптации](#) и по [митигации](#), несопоставимые по значимости с NCQG). Решено, что далее прогресс по NCQG будет периодически рассматриваться как часть GST, а в 2030 году СМА проведет специальную оценку результатов за прошедшие годы. Оценка решения и, соответственно, итогов COP в целом дается ниже в разделе «Оправдались ли ожидания от COP 29?», а перспективы – в заключительном разделе обзора.

Операционализация рыночных подходов к снижению выбросов

В Баку завершилось принятие решений на уровне СМА по рыночным подходам к снижению выбросов. Имеются в виду транзакции с углеродными единицами между странами (ст. 6.2 ПС) и между юридическими лицами, осуществляющими проекты и приобретающими единицы (ст. 6.4 ПС). Первый раунд принятия решений был в 2021 г., второй в 2022 г., осталось немного вопросов, но решить их на COP 28 не смогли (более подробно см. справки РЭЦ ЦА⁸). При этом во многом к согласию шли путем отказа от сложных случаев. В июне 2024 г. было решено, что «недопущение выбросов» не может генерировать углеродные единицы (до следующего пересмотра правил в 2028 г.). Например, единицы не могут выпускаться при отказе от запланированной вырубке лесов. Однако не высказывалось сомнений, что единицы могут выпускаться как результат мер по росту поглощения CO₂ на управляемых землях/лесах. Более подробно см. [обзор](#) к COP 29.

[Решение COP 29 по ст. 6.2](#) закрывает оставшиеся вопросы, подчеркивая добровольность участия стран в международной передаче единиц. Прописан процесс авторизации странами углеродных единиц (сроки, содержание и формат документа, изменения авторизации), предназначенных либо к передаче, либо для выполнения их NDC, либо для иных целей. Описываются особенности «первой передачи» единиц (имеется в виду, что далее они могут обращаться на рынке), включая отчетность и погашение части единиц для обеспечения общего нетто-эффекта снижения выбросов от участия в данном механизме. Отчетности и ее единообразие в документе уделяется большое внимание, а в приложении к нему собраны требования, включающие детальный анализ неопределенностей, базовых линий и рисков, вплоть до случаев отзыва единиц.

Особое внимание уделяется проверке отчетности, выявлению и ранжированию несоответствий (inconsistencies). Будут организованы автоматическая и экспертная проверка. Если выявленные несоответствия затрагивают баланс выбросов, ведущийся для достижения NDC, то страны не должны использовать единицы, связанные с несоответствиями, чтобы избежать риска их двойного учета. Большое внимание уделено работе международного реестра по ст. 6.2, его связям с национальными реестрами. Многие слабые страны говорили о невозможности организации и ведения реестров, в итоге было решено, что по запросу страны национальный реестр может вестись с помощью и на площадке секретариата РКИК. Также секретариат должен помогать странам в сертификации результатов мер митигации для выпуска единиц и работы реестра.

⁸ По трем частям ст. 6 ПС перед COP 29 были подготовлены справки [«Ход и перспективы переговоров по статье 6.2, 6.4, 6.8»](#).

По ст. 6.4 есть Надзорный орган (Supervisory Body, SC), призванный разрабатывать документы, а при наличии мандата от СМА их принимать. Это сильно упрощало процесс принятия решений в Баку. Во многих случаях достаточно было согласиться с SC. Так произошло в первый день COP, когда для создания позитивного настроения СМА приняла [решение, где приветствуются документы SC по стандарту методологий](#) (принципы, базовые линии, утечки, постоянство и т. п.) и [стандарту требований к деятельности, включающей поглощения](#) (мониторинг, отчетность, риски, отмена, утечки, буферный счет, рекультивация, социальные и природоохранные аспекты и т. п.). Затем в [решении СМА, принятом в конце COP](#), указывается на использование этих стандартов, а также подготовленного SC [стандарта по устойчивому развитию](#) (природоохранные и социальные гарантии, воздействия на устойчивое развитие, валидация и верификация и др.). SC дается мандат на дальнейшие работы по широкому спектру вопросов, включая и изменение указанных выше стандартов, а также рассмотрение базовых линий проектов механизма чистого развития, если их единицы предполагается перевести в единицы ст. 6.4 (этому процессу посвящен специальный раздел [решения](#)).

Затем в [решении](#) говорится об авторизации единиц и работе реестра, синхронизированных с действиями по ст. 6.2. SC наделяется правом принимать решения по временным параметрам авторизации и доложить о них СМА в ноябре 2025 г. Отмечается, что единицы по ст. 6.4 не могут использоваться для NDC выпустившей их страны. Также SC должен принимать решения в сложных случаях, в частности, при корректировках, вводимых при разных форматах NDC.

В целом решения по рыночным механизмам позволяют в 2025 году развернуть работу реестров и начать процедуры, ведущие к передаче углеродных единиц. О намерении купить единицы по ст. 6.2 ранее заявляли Швейцария, Норвегия, Сингапур, ОАЭ, Новая Зеландия и Япония, но в очень ограниченных количествах и, как правило, с указанием на наличие уже намеченных развивающихся стран-продавцов.

По ст. 6.4 ожидается формирование глобального рынка, где единицы за возможным, но малым, исключением не могут быть использованы для выполнения обязательств компании-покупателя в своей стране. Фактически речь идет об еще одном добровольном рынке, но более надежном и престижном ввиду принадлежности к ПС и строгому контролю SC. При этом базовыми условиями высокого престижа, создающего спрос, являются максимальная прозрачность, низкие риски «утечек» (роста выбросов за границами проекта), постоянство результатов, предельно консервативные базовые линии и значительные сопряженные выгоды, включая адаптацию, социальные аспекты, сохранение биоразнообразия и т. п. (более подробно см. [«Руководство по транспарентности и связи ст.6 и 13 ПС»](#) и [«Глоссарий по ст.6 и 13 ПС»](#)).

В этой ситуации на COP высказывались мнения, что глобальный рынок с учетом 6.2 и 6.4 к 2030 году вырастет в 2-4 раза и достигнет 1–2 млрд CO₂-экв/г. Говорилось, что это немало, но гораздо меньше внутренних рынков Китая и ЕС, в сумме покрывающих уже порядка 25% всех глобальных антропогенных выбросов.

Нерыночные подходы к снижению выбросов

Третья часть статьи 6 (ст. 6.8 ПС) посвящена нерыночным подходам в международном сотрудничестве по митигации (Non Market Approach, NMA). Имеются в виду любые действия без передачи углеродных единиц: системы сертификации и маркировки, стандарты и технические требования, всевозможные регулирующие меры и платежи. Потенциально это очень важная сфера деятельности. В частности, пограничный

платеж ЕС (Carbon Boundary Adjustment Mechanism, CBAM⁹) может быть отнесен к ст. 6.8, равно как и проблема торговых барьеров и справедливых цепочек поставок, являющаяся приоритетом Китая и [позиции группы BASIC](#) в целом.

Ход переговоров по ст.6.8 до COP 29 был детально описан в [справочном материале РЭЦ ЦА по ст.6.8](#). В 2021 году в Глазго ([решение 4/СМА.3](#)) был образован специальный *Глазговский комитет по нерыночным подходам* (GCNMA) и намечена программа работ на 2023–2026 гг., которая подразумевает очерчивание круга возможных видов деятельности, создание веб-платформы для обмена информацией, наращивание потенциала развивающихся стран и т. п. В 2022 г. работа получила продолжение в [решении 6/СМА.4](#). На COP 28 был рассмотрен отчет комитета и принято [решение о Рабочей программе по NMA](#), но далее дискуссии свелись к тому, что считать NMA.

ЕС предлагал «цену на углерод» и «природно-ориентированные решения», что не было поддержано большинством развивающихся стран. Назывались меры устойчивого развития, мобилизация финансов для местных мер адаптации, сохранение биоразнообразия, устойчивое управление лесами и т. п. При этом работа организаций гражданской авиации и морского транспорта (ICAO и IMO) отвергалась как пример деятельности по 6.8, так как она связана с углеродными единицами и носит обязательный характер, что противоречит принципам РКИК. Некоторые развивающиеся страны опасаются, что ст. 6.8 в будущем вынудит их вводить те или иные NMA, в частности, налоги на выбросы. Конечно, о навязывании NMA странам в ПС не может быть и речи, это дело национальное, однако рекомендации могут быть сформулированы, а они, в свою очередь, будут учитываться финансовыми институтами. Поэтому на COP 29 страны продолжали оставаться на стадии сбора информации и построения сотрудничества для тех, кто хотел быть пионерами совместных действий.

[В решении СМА по ст. 6.8](#) говорится о работе комитета по нерыночным подходам и реализации рабочей программы на 2023–2026 гг., которую намечено пересмотреть на COP 30. [Создана веб-платформа](#) для занесения странами имеющихся, планируемых или желаемых нерыночных подходов, но они пока не приступили к заполнению. Имеется информационный раздел, где, в частности, размещены [формат представления NMA](#) и [руководство по заполнению веб-форм](#) для национальных NMA. Быстро идет назначение странами их координирующих лиц по NMA, их уже около 80. На платформе также собираются предложения от организаций, предлагающих помощь в формировании и реализации подходов, там уже есть [первые 10 предложений](#). Создаются тематические экспертные группы для рассмотрения тех или иных нерыночных подходов. Страны и все заинтересованные стороны приглашаются до 31 марта 2025 г. подать свои взгляды и предложения по проблемам платформы NMA и путям улучшения ее работы.

Проблемы адаптации к изменениям климата

Адаптационная часть «Бакинского пакта климатического единства» посвящена повышению эффективности действий в развивающихся странах при [реализации глобальной цели по адаптации](#) (GGA), принятой на COP 28. В решении сделан первый

⁹ Упрощенно говоря, он подразумевает, что покупатель (импортер) продукции в ЕС должен заплатить за выбросы столько, как если бы она была произведена в ЕС. На двусторонней основе не исключены возможности договоренности с ЕС, что если экспортер заплатил за выбросы в своей стране, то это засчитывается за данный платеж. Подобные договоренности вне РКИК, на COP они обсуждаются на неофициальных мероприятиях. При этом, вне зависимости от них, CBAM, несмотря на все его недостатки (в частности, не учитывается углеродный след всей продукции компании-экспортера, а только ее ввозимая в ЕС часть) – сильный стимул делать продукцию низкоуглеродной в процессе производства.

шаг к трансформации деятельности по адаптации, для которой нужны индикаторы. Однако сначала требуется принять их критерии, так как «свободный» набор индикаторов приводит к неработоспособному списку из сотен пунктов, сложно поддающемуся количественному анализу (в Баку решено, что индикаторов будет не более 100).

В [решении СМА по GGA](#) к критериям, выработанным ранее¹⁰ (актуальность, повышение устойчивости к изменениям климата, применимость и простота, четкость методологий, отражение национальных и местных особенностей, использование традиционных знаний, социальные аспекты, использование наилучших научных данных) добавлены новые. Это измеримость, возможность транспарентного мониторинга, наличие данных и базовых линий, ориентированность на результат и его последствия. При этом, как и ранее отмечалось, индикаторы не могут использоваться для сопоставления деятельности стран, они предназначены для большей эффективности и устойчивости результатов проектов. Экологическая общественность в целом приветствует решение, но отмечает его неполноту, в частности, отсутствие финансовых параметров. Впрочем, с ними ситуация непростая, особенно когда речь идет об адаптации жизни людей и их здоровье. Полный список индикаторов намечено принять на COP 30.

Эти действия отражают проблему с адаптационными проектами в развивающихся странах. Перед COP 29 вышел доклад [ЮНЕП об адаптационных действиях](#), где анализируются результаты 168 проектов, выполненных фондами ООН с общим финансированием около 6 трлн долларов. Результаты неутешительные: лишь 60% можно признать устойчивыми и лишь 4% были оценены высоко, еще около 80% удовлетворительные или условно удовлетворительные (см. ниже Приложение). На COP 29 многократно подчеркивалось, что прогресс невозможен без полноценной оценки эффективности и долгосрочности результатов, без детальной оценки рисков, включая величину и вероятность негативных событий, случаи наложения одного риска на другой, возможностей снижения рисков с помощью превентивных или оперативных действий. Без детальной проработки рисков нельзя добиться хороших и долгосрочных результатов вложения средств, а без них сложно рассчитывать на кардинальный рост финансирования.

Не удивительно, что возникли проблемы с решением по национальным планам адаптации (NAP). Разногласия касались указания на обязательства развитых стран представлять средства, роли частного сектора в финансировании адаптации, языковых формулировок усиления мер адаптации. В итоге решения не приняли, работа продолжится на сессии РКИК в июне, основываясь на [рабочем варианте текста](#) решения SBI.

В данном контексте важно отметить, что в Баку секретариат представил [технический доклад о трансформации адаптации](#). В нем даны определения терминов и принципиальных подходов к адаптации и ее трансформации. Сделан всесторонний анализ нынешних, ожидаемых и потенциально возможных рисков, пределов и альтернатив адаптации. Приведены примеры метрик оценки рисков, обозначены вероятные тренды рисков на период до 2030 года. Рассмотрены глобальные риски (здоровье, инфраструктура, продовольствие, урбанизированные территории, миграция людей, природные решения и т. п.), которые можно применить к той или иной стране. Сделаны и ориентировочные региональные оценки на уровне континентов. Доклад почти не обсуждался ввиду того, что он вышел почти перед открытием COP. В решении по GGA он принят во внимание с указанием подготовить простое для чтения резюме. Сам доклад будет рассмотрен в июне на сессии Вспомогательных органов (SB62).

¹⁰ См.: список в п. 79 решения SBI и SBSTA ([Доклад SBI по итогам SB60](#) в июне 2024 г.)

Заметим, что пункт повестки СМА, посвященный удвоению финансирования развитыми странами мер адаптации в развивающихся государствах (к 2025 г. от уровня 2019 г., примерно с 20 до 40 млрд в год), фактически не обсуждался. [Решение по нему](#) лишь принимает во внимание предпринятые усилия и [составленный ОЭСР доклад](#), согласно которому в 2022 году был достигнут уровень 32,4 млрд, что говорит о хорошей динамике. Большая часть (18 млрд) поступила через многосторонние банки и фонды, около 10 млрд по двусторонним каналам сотрудничества, из этого количества около 17 млрд пришлось на кредиты и 11 на гранты. Еще 3,5 млрд составили частные средства. На долю LDC пришлось более 11 млрд. В неофициальных обсуждениях наибольшей критике подвергались кредиты, многие из которых сложно назвать льготными.

В целом по итогам COP можно заключить, что по адаптации РКИК движется в правильном направлении роста объема и качества мер адаптации в развивающихся государствах. Проблем немало, они сдерживают прогресс, но решаются, хотя и гораздо медленнее, чем это возможно и чем нужно наиболее уязвимым странам.

Гендерные вопросы

Гендерные вопросы всегда были в сфере деятельности РКИК¹¹, в 2014 г. на COP 25 в Лиме была принята [долгосрочная рабочая программа по гендерным вопросам \(Lima work programme on gender, LWPG\)](#). При этом именно на COP 29 планировалось ее продлить и разработать план на будущее. Был представлен и принят во внимание [синтезирующий доклад](#) секретариата, ориентированный на продление LWPG. В РКИК есть специальная [гендерная группа](#) организаций-наблюдателей, ее статус аналогичен экологической, бизнеса и др. Women's Environment and Development Organization (WEDO) образован [фонд](#), оказывающий женщинам поддержку для участия в мероприятиях РКИК.

Дискуссии шли как по языковым формулировкам гендерного равенства, вопросов прав человека и распределения средств, так и по срокам продления программы и плана действий. Еще одним предметом активного обсуждения была координация с конвенциями по сохранению биоразнообразия и по деградации земель и опустыниванию. Обсуждение формулировки, касающейся назначения должностных лиц секретариата, продолжалось вплоть до заключительного заседания CP утром 24 ноября. Финальные слова параграфа 23 пришлось устно озвучивать в момент принятия документа, так как содержащееся в письменном тексте указание на *повышение* эффективности работы (в результате указанного выше гендерно-равного подхода к работе секретариата) не устраивало многие страны и было заменено на *не снижение* ее эффективности.

В итоге в [решении CP](#) программа продлевается на 10 лет, а план формируется на 5 лет. План должен быть принят CP 30. В июне 2025 года на сессии в Бонне SBI предстоит подготовить проект решения CP, там же пройдет специальный технический семинар по данному вопросу. Выполнение рабочей программы должно рассматриваться на заседаниях SBI в июне и ноябре 2029 года. Согласно решению, секретариат должен провести большую работу, направленную на гендерное равенство в различных органах РКИК, оказать помощь представителям стран, назначенным быть контактными лицами по гендерным вопросам изменения климата ([National Gender and Climate Change Focal Points](#)), обратить особое внимание на соответствующее наращивание потенциала. Важность учета гендерных вопросов была также отражена в документах по работе [Адаптационного Фонда](#) и [Постоянного комитета по финансам](#).

¹¹ Более подробно см. подготовленные автором обзоры в преддверии COP 29 на [сайте РЭИША на русском и английском языках](#), а также обзор гендерных вопросов в [выпуске № 6 бюллетеня ПроКлимат](#)

На COP многократно подчеркивалась актуальность достижения баланса регионального и гендерного представительства в различных органах и экспертных группах РКИК. На многих неофициальных мероприятиях отмечался непропорционально большой урон от изменения климата для женщин, детей и бедного сельского населения, см., в частности, недавний [доклад FAO](#) (The Unjust Climate). Также отмечалось, что уже более 20 развивающихся стран имеют национальные планы гендерных климатических действий ([National Gender and Climate Change Plans](#)), которые, среди прочего, призваны быть действенным средством роста климатического финансирования.

В 2025 году все страны должны подать обновленные NDC. Их гендерные части находятся под пристальным вниманием. [WEDO подготовлено](#) специальное руководство по включению гендерных вопросов в национальные NDC, где освещаются гендерные нужды всех частей NDC, а также приведены источники информации для продвижения гендерных вопросов и для [подготовки к предстоящим COP](#). При этом уже более 10 лет WEDO организует «школы» для обучения женщин, в частности, ведению различных климатических переговоров.

Прочие решения COP

Третья часть Бакинского пакта – [решение по рабочей программе по митигации](#), которая была образована в 2021 году и предполагает проведение два раза в год глобальных Диалогов, содействующих принятию более сильных целей стран по выбросам, а также проведение мероприятий инвестиционной направленности. На первой неделе страны не пришли к согласию по тексту, подготовленному сопредседателями образованной на COP контактной группы, где было немало численных показателей. В частности, по накопителям энергии, модернизации сетей электроснабжения, снижению глобальных выбросов метана на 30% за 2020–2030 гг., прекращению сведения лесов к 2030 г. и др. Против выступили Индия, Китай, арабские, африканские и ряд других стран, они настаивали, что мандат программы не позволяет рассматривать такие тексты, что она посвящена организации мероприятий, а выбор решений является прерогативой стран. На уровне SB было предложено отказаться от решения, но СМА с этим не согласилось.

В итоге на второй неделе был подготовлен и [принято решение](#), описывающее действия программы, в частности, по обсуждению проблем городов и урбанизированных территорий. К 1 февраля страны и другие заинтересованные стороны призываются подать предложения тем для обсуждения на глобальных Диалогах в 2025 году, а также изложить их взгляды на возможности, лучшие практики и решения. К 1 мая они приглашаются подать предложения по платформе, призванной содействовать реализации мер митигации с помощью сотрудничества на всех уровнях. Все это предполагается обсудить в июне на 62-й сессии Вспомогательных органов (SB62).

Если по рабочей программе по митигации было согласие хотя бы по процессу, то в рабочей программе по справедливому переходу (JT WP, см. [обзор по результатам COP 28](#)) это сделать не удалось. Страны не пришли к консенсусу по сфере охвата программы и подготовке технического задания для Руководства по справедливому переходу. LMDC и ряд других стран возражали против признания социально экономических возможностей ухода от ископаемого топлива. Они же подчеркивали неприемлемость односторонних торговых мер и барьеров. В итоге на уровне SB не был согласован текст для передачи СМА. Решения нет, дискуссии продолжатся на SB62 и затем на COP 30.

Не удалось принять решения ни по одному из аспектов глобального подведения итогов (GST). По процедурным и логистическим вопросам будущего проведения GST

подготовлена информационная записка, которую намечено обсуждать на SB62 и затем на COP 30, но решения на COP 29 принять не удалось. В частности, не было согласия о роли IPCC. Развитые и многие другие государства считают IPCC главным источником информации, с чем не согласны LMDC и арабские страны.

При обсуждении того, как проводить Диалог о внедрении результатов GST 1 ([прошедшего на COP 28](#)) LMDC, арабские и африканские страны полагали, что диалог должен, прежде всего, рассматривать финансирование, так как о нем говорится в финансовом разделе ([решение по GST 1](#), параграф 97). С ними не были согласны другие государства, выступающие за рассмотрение всех тем в контексте финансирования. Эти страны на заключительном заседании выступили против подготовленного [решения СМА](#), которое не было принято. Обсуждения продолжатся на SB62 и затем на COP 30.

Страны также не пришли к согласию о том, как докладывать об использовании результатов GST для подготовки NDC, о чем шли консультации на уровне СМА (проведение ежегодного диалога согласно параграфу 187 [решения по GST 1](#)), ограничиваться ли им организационными аспектами или затрагивать смысловые вопросы.

Не было принято решение и по пункту повестки СМА, посвященному Руководящим указаниям по NDC. Было высказано множество мнений, однако подборку материалов ряд стран сочли неполной, обсуждение продолжится на COP 31 в 2026 году.

На COP 29 была завершена операционализация работы фонда по «потерям и ущербу», решены вопросы взаимодействия с Всемирным банком, на площадке которого FRLD будет работать еще три года, а затем его штаб-квартира будет на Филиппинах. Есть решения и по смежным вопросам работы по «потерям и ущербу», в частности, по WIM.

Прошли консультации по предложенному Китаем вопросу о торговых барьерах. Обсуждение темы продолжится на SB62 на круглом столе “Nexus trade and climate change”.

Было принято [много решений по текущей работе РКИК](#), прежде всего, по ежегодно обсуждаемым на COP вопросам:

- по отчетности развитых и развивающихся стран;
- по работе различных органов РКИК и ПС, а также фондов, обслуживающих Конвенцию (более подробно о принятых и не принятых решениях финансового характера см. выше в конце раздела по финансовой цели ПС);
- по наименее развитым странам;
- по форуму, обсуждающему «меры реагирования» (того, как низкоуглеродное развитие одних стран влияет на другие);
- по передаче технологий;
- по исследованиям и систематическим наблюдениям;
- по рабочей программе по сельскому хозяйству и продовольственной безопасности (организация семинаров, подготовка докладов и работа интернет-портала);
- по образованию и просвещению (согласно ст. 6 РКИК и ст.12 ПС);
- по платформе для местных сообществ и коренных народов;
- по ряду технических вопросов КП и его механизма чистого развития;
- по наращиванию потенциала развивающихся государств;
- по ряду других вопросов, включая административные и финансовые аспекты работы секретариата и органов РКИК.

На COP 29 не было принято обобщающего решения (overall decision), где обычно отражаются общие вопросы и в целом подводится итог переговоров. Его отсутствие типично для COP, где есть одна доминирующая тема (на COP 29 NCQG, на COP 28 GST).

Поэтому не было документа, куда можно было бы вписать уход от ископаемого топлива, намерение утроить мощность ВИЭ и в два раза ускорить повышение энергоэффективности, отразить вопросы гор и океанов, проблему торговых барьеров и т. п. Все эти темы, конечно, не забыты, их обсуждение продолжится на следующих COP.

Неофициальные мероприятия

Как и на прошлых COP, на мероприятиях было объявлено об инициативах передового бизнеса и финансового сектора. [Лидеры деловых и финансовых кругов, включая инвесторов с совокупным активом в 10 трлн долларов](#), объявили, что они впервые объединятся для вывода частного капитала на климатические рынки. Всемирная [ассоциация цемента и бетона подтвердила свои цели](#)— отрасль стремится ускорить переход к «зеленому» цементу, сократив выбросы на 25% к 2030 году и полностью декарбонизироваться к 2050 году. Секторальный подход очень важен, так как крупный бизнес готов нести все большее климатическое «бремя» только если оно одинаково для всех мировых производителей однотипной продукции и не искажает конкуренцию.

Место проведения COP обусловило повышенное внимание к проблеме воды. ЮНЕП и Азербайджаном была подготовлена [COP29 Declaration on Water for Climate Action](#), торжественное [подписание которой состоялось 21 ноября](#), участвовать в ее реализации выразили намерение около 50 стран и организаций. Предполагается, что эта инициатива органичным образом [вольется во всю деятельность ЮНЕП по водной тематике](#). Также неудивительно было внимание к проблемам Каспийского моря. В площадке COP состоялся Каспийский диалог, было подписано соглашение между четырьмя странами (Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркменистан) о совместных действиях, эксперты стран обменялись информацией и договорились о сотрудничестве.

Азиатский банк развития объявил о выделении 3,5 млрд долларов на новую программу по борьбе с последствиями таяния ледников. В рамках этой инициативы через GCF банк проведет оценку ледниковых рисков в Азербайджане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

При подготовке к COP «местное» развитие получила международная инициатива [Climate and Clean Air Coalition](#), известная усилиями по снижению эмиссий короткоживущих (иных, чем CO₂) климатически активных веществ, прежде всего метана. Теперь она [охватывает 91 страну](#). В 2024 году к ней присоединились Азербайджан, Узбекистан и Монголия, а Казахстан и Кыргызстан сделали это в 2023 году (Россия – участник программы с 2014 года). Заметим, что эмиссии метана из наземных экосистем России во многом «компенсируют» поглощение ими антропогенного CO₂, это не позволяет сказать, что страна поглощает больше, чем эмиссии CO₂ и других парниковых газов в ее секторах экономики (см. [исследование ИГКЭ РАН и Росгидромета](#)).

Проблема метана заключается в том, что с одной стороны, его вклад в антропогенные выбросы парниковых газов значителен (до 20%), но, с другой стороны, эмиссии оцениваются весьма неопределенно (детально см. [доклад IPCC, 2021 г., том 1](#), глава 2). С 1975 года концентрация метана в атмосфере возросла с 1550 до 1900 частей на млрд, или примерно на 20%. Анализ изотопного состава атомов углерода в атмосферном метане и другие методы свидетельствуют, что примерно 1/3 эмиссий дают операции с углем, газом и нефтью. Также 1/3 дает животноводство, преимущественно высокопродуктивный молочный скот, и еще 1/3 – отходы и рисовые поля. Метан, в отличие от CO₂, в атмосфере вступает в химические реакции, среднее время «жизни» молекулы около 12 лет. Поэтому еще одна неопределенность возникает при пересчете

эмиссии тонны метана в CO₂-экв. (global warming potential). Если брать принятый в РКИК временной горизонт усиления парникового эффекта в 100 лет, то коэффициент равен 30±10, если 500 лет, то примерно 4, а если 20 лет, 80±30. С этим нередко связаны возникающие в СМИ «разногласия», когда берутся разные временные горизонты и выходят новости, как завышающие, так и занижающие эффект на XXI век.

В 2024 г. ЮНЕП опубликовала [специальный доклад по метану](#), где рассматривается инициатива по снижению эмиссий в нефтегазовом секторе. Подчеркивается, что утечки метана в атмосферу требуют тщательного мониторинга, в том числе с помощью спутников. В начале инициативы в 2020 году в ней участвовали около 60 компаний, а сейчас их число достигло 140. Доля европейских участников достигла 80% от всей региональной продукции, в Северной Америке и Ближнем Востоке доли равны 40%, в Азиатско-Тихоокеанском регионе 30%, а в Центральной Азии всего 20%, что делает ее приоритетной для быстрого роста участия. Вторая часть доклада посвящена эмиссиям метана в цепочке поставок производства стали. Показано, что доля метана достигает 1/3 от всего углеродного следа стали. Международное энергетическое агентство подготовило [Global Methane Tracker 2024](#), базу данных об эмиссиях в нефтегазовом и угольных секторах различных стран. При этом многие организации, в частности, [Carbon Credits](#) особо подчеркивают важность деятельности по метану в обновленных NDC на 2035 год, которые страны должны подать в 2025 году.

На неофициальных мероприятиях было немало критики. Указывалось на неприемлемость кредитных условий, на малое количество грантов для местных сообществ. Критиковалось навязывание донорами «бумажных» (soft) частей проектов, выражающихся в проведении конференций и подготовке докладов дорогостоящими зарубежными экспертами, что приводило к «возврату» до 50% средств в развитые страны. НПО, молодежь, активно настаивали на более сильных климатических действиях, устраивали эффектные публичные акции, что неизменно привлекало СМИ.

В целом COP 29, как и прошлые конференции, успешно сыграла роль катализатора принятия решений и подписания соглашений. Причем это относится даже к внутренним инициативам: в частности, именно на площадке COP было подписано очень важное соглашение по сохранению озера Балхаш между правительством Казахстана и казахской горнодобывающей компанией. Нет сомнения, что без COP оно бы состоялось, но, вероятно, позже, в то время как озеро требует немедленных действий.

Оправдались ли ожидания от COP 29?

Вспоминая ожидания от COP 29¹², можно заключить, что программу минимум она выполнила. Есть двухкомпонентная финансовая цель на 2035 год (300 млрд и 1,3 трлн в год). Впрочем, вторую цифру нужно еще прояснить в рамках Дорожной карты «Баку – Белен 1.3Т», а первую многие оценивают совершенно негативно, особенно LDC и экологическая общественность, в частности, CAN. Недовольны они и величиной цели (тем более, что ее во многом «съест» инфляция), и ее структурой, где нет отдельного окна для «потерь и ущерба», нет численного выражения баланса между адаптацией и митигацией, нет параметров роста грантовых или “no-debt” средств, нет отдельной суммы для LDC. Говорится о победе Глобального Севера над Глобальным Югом. Впрочем, добавляется, что Юг лишь проиграл данный раунд, тренд в его пользу.

¹² См. подготовленные автором обзоры в преддверии COP 29 на [сайте РЭШИА на русском](#) и [английском языках](#), а также краткий обзор в [выпуске № 7 бюллетеня ПроКлимат](#)

Необходимо подчеркнуть, что любая оценка COP – это оценка ее результатов с глобальной или национальной точек зрения, а оценка председательства COP и принимающей страны – это другой вопрос. Председательство добилось главного глобального результата – NCQG, что потребовало много времени, дипломатии и терпения. Местные НПО сделали максимум для полезных мероприятий и вовлечения гражданского общества в решение климатических проблем. Принимающая страна создала комфортные условия и очень дружественную атмосферу. Поэтому работу хозяев можно оценить, как очень хорошую или, по крайней мере, максимально хорошую в данной ситуации.

После COP 29 пойдет практическая работа по запуску рыночных механизмов по ст.6.2 и 6.4 ПС. В то же время звучат опасения, что слишком много прав дано Надзорному органу, что его решения могут сделать транзакции по 6.2 недостаточно прозрачными (имеется в виду непрозрачность действий по 6.4, влияющая на 6.2), а сделки с единицами поглощения по 6.4 слишком рискованными. Если это случится, то подорвет претензии рынка ПС на «строгость и надежность» и приведет к его стагнации.

Сборка трех разновеликих документов в «Бакинский пакт климатического единства» вызвала немало удивления. Намерение обозначить единство финансов, адаптации и митигации понятно. Однако решение по митигации лишь символически обозначает приверженность стран к этой проблеме, согласие ее обсуждать, но без каких-либо параметров или критериев. Решение по адаптации вполне позитивно, но это лишь небольшой шаг к смысловой оценке и трансформации деятельности (тем более, что согласованные критерии построения индикаторов адаптации не содержат финансовых параметров).

«Мостики» на COP 30 слабые, причем только по финансам, а по справедливому переходу, по глобальному подведению итогов и по усилению NDC их нет совсем. Превалировала позиция «свой путь для каждого», продвигаемая прежде всего ведущими развивающимися странами (группа LMDC) и арабскими государствами. Были даже слухи, что это обратная сторона «медали» принятия слабой финансовой цели. Природные решения и биоразнообразие обсуждались много, но только на неофициальных мероприятиях. ПНО также критикуют слабое решение по гендерным вопросам (отсутствие ориентиров плана действий, который должен быть принят на COP 30).

В то же время, саммит сыграл традиционную роль катализатора действий на уровне стран, компаний и организаций, которые заключили массу соглашений. Компании и фонды, различные организации и НПО продемонстрировали прогресс в низкоуглеродном развитии и адаптации к изменениям климата. По мнению большинства участников COP, даже скромно оцениваемые глобальные итоги встречи будут содействовать развитию зеленых технологий и более эффективной адаптации, не резко, но неумолимо.

Перспективы на следующие годы

Следующая COP 30 полна загадок. Бразилия приложила массу усилий, чтобы финансовая цель ПС была принята на COP 29 и не мешала их приоритетам на 2025 год. В Баку на неофициальных мероприятиях не раз звучала «биоэкономика для митигации и адаптации», указывалось на огромную стоимость глобальных экосистемных услуг Амазонии. Говорилось, что финансирование «природы» не должно включать передачу углеродных единиц, что должны быть задействованы инновационные подходы и широкий спектр источников средств. По [прогнозам МГЭИК](#), Амазонию ждут очень негативные климатические явления, прежде всего, рост числа засухливых и очень засухливых лет (конечно, не в абсолютных, а в относительных значениях выпадения осадков). Однако,

как действовать и как привлечь для этого средства еще только предстоит понять. В то же время на встречах делегация Бразилии говорила, что ожидать какой-то сугубо «природной» конференции не стоит, будет затронут широкий спектр проблем, где как всегда важное место будут занимать финансы. Отдельный вопрос – обсуждение торговых барьеров, что является приоритетом Китая и всей группы BASIC в целом. Также не ясно, насколько сильно изменится позиция США.

Ожидается, что в ближайшие годы глобальные выбросы парниковых газов пройдут пик и начнут снижаться. Конечно, здесь смотрят, прежде всего, на Китай, чья доля в мире в целом [достигает 25%](#). В Баку в китайском павильоне, как и ранее озвучивалась официальная позиция – пик до 2030 года, но говорилось, что страна очень близка к пику, возможно, он будет пройден уже в 2025 году. Не случайно по солнечной энергетике и электромобилям глобальный прогресс состоит из Китая и «добавки» остальных стран (см. доклад [Мирового энергетического агентства WEO 2024](#)). Более подробно проблемы глобальных выбросов рассмотрены ниже в Приложении, там же описаны корректировки данных по России, сделанные в 2024 году.

В мире в целом главным будет тренд на достижение внутренних целей углеродной нейтральности, которые вне Парижского соглашения, но в идеале должны реализовываться через последовательно принимаемые NDC. В Баку немало говорилось о том, что в 2025 году все страны должны подать NDC на 2035 год. Попытка продвинуться в выработке Руководства по NDC на COP 29 не удалась, крупнейшие развивающиеся государства, арабские и ряд других стран подчеркивали, что NDC – *национально-определяемые* вклады и не требуют единообразия. Однако это не сигнал, что надо ожидать слабые цели, в частности, ОАЭ уже подали очень сильный NDC на 2035 год.

При этом на неофициальных мероприятиях немало говорилось, что сильные цели порождают и сильные сопряженные выгоды, включая лучший доступ к международному климатическому финансированию и более эффективную адаптацию. На уровне компаний и организаций подчеркивалось, что в низкоуглеродном развитии сопряженные выгоды – *наиважнейшая вещь* (образно говоря, «кофе на АЗС может дать прибыль большую, чем продажа бензина, особенно если цена или доходы от бензина регулируются государственными органами»).

В РКИК уже немало лет обсуждается [уход от угля или даже всего ископаемого топлива](#). В Баку не было принято обобщающего решения, где обычно в РКИК прописываются такие вопросы, однако это вряд ли окажет негативное влияние на общий ход событий. Если бы обобщающее решение было, там вероятно были бы повторены мягкие формулировки Группы 20 и прошлых COP. Другое дело, что на неофициальных мероприятиях в Баку немало говорилось о консолидации финансов развитых стран, MDB и частных средств для содействия уходу от угля, в частности, в Индонезии и Вьетнаме. Говорилось и об Индии, но как о более сложной задаче не самого ближайшего будущего. При этом не выражалось сомнений, что в Китае с постепенным уходом от угля все будет хорошо без посторонней помощи.

Вопросы угля и ископаемого топлива, вероятно, будут с большей конкретикой обсуждаться не на COP 30, а на COP 31, которую будет принимать одна из стран группы ООН «Западная Европа и другие страны» (имеются в виду развитые). Сейчас два претендента, Австралия и Турция, достичь согласия в Баку группа не смогла, а в документе COP 29 по этому вопросу содержится настоятельная просьба решить не позже июня, чтобы могла заработать Тройка. Эту COP пророчат как следующий шаг «к началу конца ископаемого топлива», при этом Австралия неофициально заявляла, что, несмотря на свой экспорт угля, она готова к решительным шагам.

В том же 2026 году, вероятно, будет и большая ясность в работоспособности и масштабах деятельности по передаче углеродных единиц по ст. 6.2 и 6.4. Здесь многое зависит от действий Надзорного органа по 6.4, которому фактически дан мандат на решения по широкому спектру вопросов, включая базовые линии и изменения уже принятых методологий и стандартов.

Затем, в 2027 году настанет время снова взглянуть на адаптацию, вопросы воды, сельского хозяйства и продовольствия, так как COP 32 пройдет в Африке. Вероятно, встанет вопрос более конкретных параметров «баланса» между финансированием адаптации и митигации, прописанного в финансовой цели. Тем более, что уже будет ясность в выполнении согласованного ранее удвоения средств (в 2019–2025 гг.), выделяемых развитыми странами на адаптацию в развивающихся государствах.

Также в 2027 году должен заработать глобальный механизм международной гражданской авиации – [ICAO CORSIA](#), который вводит обязательную компенсацию выбросов парниковых газов. С начала 2025 года на добровольной основе в нем будут участвовать 129 государств (в их число не входит ряд крупных стран, в частности, Бразилия, Индия, Китай, Россия и ЮАР). Ожидается, что запуск системы увеличит спрос на углеродные единицы. Возможно, что «более строгие и престижные» единицы ст.6.4 будут иметь преимущества.

Затем в 2028 году предстоит снова проанализировать ситуацию на втором глобальном подведении итогов (GST-2) на COP 33 в Индии. Тогда же намечен пересмотр правил по ст.6.2 и 6.4, может быть поднят вопрос о деятельности по недопущению выбросов (в июне 2024 г. было решено, что эта деятельность не может генерировать углеродные единицы), например, в проектах по предотвращению деградации почв, что немаловажно, в частности, для стран Центральной Азии (до этого, в частности, актуальны проекты, где в результате предпринятых мер идет накопление почвенного углерода).

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Разрыв» в глобальных усилиях по снижению выбросов парниковых газов

Ежегодный доклад ЮНЕП о глобальной ситуации с антропогенными выбросами парниковых газов ([Emission Gap Report 2024](#)) говорит о растущем «разрыве» между тем, что требуется для достижения цели Парижского соглашения (ПС) по стабилизации глобального потепления (удержать значительно ниже 2°C, стараясь остаться на 1,5°C от уровня XIX века) и тем, что происходит. Рост выбросов парниковых газов продолжается, в 2023 году их общий объем составил 57,1 млрд т CO₂-эквивалента (все газы пересчитываются в эффект от CO₂ на протяжении 100 лет), точность расчетов ±5,5 млрд, при этом наименее определены потоки CO₂ при землепользовании, прежде всего, в лесах. В 1990 году было 38 млрд т CO₂-эквивалента, в 2000-м 41,5, в 2010-м 51. Выбросы лишь немного и ненадолго снизились из-за ковида. Больше всего дает CO₂ от сжигания ископаемого топлива – почти 40 млрд т CO₂-эквивалента/г., эмиссии метана около 10, а остальных газов примерно 4 млрд/г. Землепользование, включая лесное хозяйство, в мире в целом – не поглотитель, а источник, оцениваемый в 4±3 млрд/г.

По секторам мировой экономики больше всего приходится на выработку электроэнергии и тепла (26%), затем идет промышленность (20%) и транспорт (16%). На сельское хозяйство приходится 11%, операции с топливом (кроме его сжигания) дают 10%, землепользование и здания добавляют 7 и 6%, соответственно. Замыкают список операции с отходами (4%).

По странам оценка на 2023 год была сделана без учета землепользования (ввиду большой неопределенности оценок в этом секторе): лидирует Китай с 30%, у США 11%, Индии 8%, ЕС 6%. В ЕС и США выбросы снижаются, а в Китае и Индии растут. На долю России, по данным доклада ЮНЕП, в 2022–2023 гг. приходилось до 5%, или 2,4–2,7 млрд т CO_2 -эквивалента. Однако по более детальным российским расчетам в 2022 году было несколько более 2 млрд, или менее 4% глобальных выбросов парниковых газов.

Более детальные расчеты вошли в последний российский [Национальный доклад о кадастре](#) (получен РКИК ООН 10 ноября 2024 г.). Там скрупулезно пересчитан весь ряд с 1990 года, на 2022 год выбросы составили 2,05 млрд без учета землепользования и всего несколько более 0,8 млрд с учетом землепользования (см. прилагаемый к докладу [набор подробных стандартных таблиц РКИК](#) на каждый год с 1990-го по 2022-ой). Основное отличие новых данных – гораздо большее поглощение лесами, в 2022 г. около 1,2 млрд/г. Научная основа корректировок описана в докладе и [приложении к нему](#), где также можно видеть детальные оценки неопределенности всех цифр. В частности, для различных потоков парниковых газов в лесах неопределенности от 20 до 80%. В соответствии с правилами РКИК, используемые при пересчете коэффициенты были заранее опубликованы в профильной научной печати. По наземным экосистемам России в целом есть [детальная публикация Института глобального климата и экологии РАН](#) и Росгидромета, согласно которой общее поглощение антропогенного CO_2 составляет $2,7 \pm 1,7$ млрд т CO_2 . Это больше, чем выбросы CO_2 в секторах экономики. Однако в работе сделаны расчеты потоков в атмосферу метана и N_2O , составляющих $1,3 \pm 0,8$ и $0,3 \pm 0,1$ млрд т CO_2 -эквивалента. Итоговое нетто-поглощение равно $1,1 \pm 1,7$, что на 0,8–0,9 млрд меньше, чем выбросы в энергетике и других секторах экономики России.

Текущая ситуация и планы стран по парниковым газам, цели, прописанные в NDCs, и долгосрочные намерения достижения углеродной нейтральности говорят, что мир идет по пути стабилизации глобального потепления во второй половине века на уровне 2,5 – 3°C (отсчет идет от второй половины XIX века, причем почти 1,5 град. уже пройдено). Доклад ЮНЕП показывает, что ситуацию можно изменить, что есть большой потенциал снижения выбросов. Уже к 2035 году можно снизить выбросы на 40 млрд т CO_2 -эквивалента в год при относительно небольших дополнительных затратах, оцениваемых в 1–2 трлн долларов в год. Именно такое развитие событий позволяет удержать глобальное потепление на уровне ниже 2°C. Наибольший вклад может внести производство электроэнергии без или с низкими выбросами и другие меры в энергетике – до 15 млрд, при этом рост выработки электроэнергии снизит эту цифру примерно на 4 млрд. На втором месте землепользование (вклад в снижение до 13 млрд), где главную роль играет лесное хозяйство. Затем идет промышленность (6,5 млрд), транспорт и здания (5 и 4 млрд). Возможности есть, но страны не спешат ими в полной мере воспользоваться. В то же время в Баку на COP 29 почти все государства, множество компаний и организаций в своих павильонах демонстрировали наглядные и существенные результаты «зеленого» развития энергетики, транспорта и промышленности, сохранения лесов и почв, развития сельского хозяйства без роста выбросов.

«Разрыв» в усилиях по адаптации к изменениям климата

Ежегодный доклад ЮНЕП о состоянии дел в адаптации к изменениям климата ([Adaptation Gap Report 2024](#)) говорит о недостаточности мер, о растущем «разрыве» между тем, что делается, и тем, что надо делать, чтобы в достаточной мере адаптироваться к нынешним и грядущим изменениям. Доклад специально вышел к COP.

В развивающихся странах и в мире в целом меры адаптации растут, увеличивается и поток средств на адаптацию от Глобального Севера (развитых стран) Глобальному Югу (развивающимся государствам). Согласно докладу, в 2021 году он составил 21 млрд долларов, а в 2022-м 28 млрд (данные за 2023 год пока отсутствуют). В контексте новой финансовой цели ПС подчеркивается, что оценка адаптационных нужд Юга – более 200 млрд/г. При этом в NDC и в национальных планах адаптации еще большие цифры, в сумме к 2030 году достигающие 400 млрд/г. Почти все эти планы (95%) содержат действия по адаптации сельского хозяйства и производству продовольствия. В 93% планов уделяется внимание охране экосистем и сохранению биоразнообразия. За этим следуют водные проблемы (84%), инфраструктура для жизни людей (77%) и здравоохранение (75%). С другой стороны, в планах малое внимание уделяется решению проблемы бедности (29%) и сохранению культурного наследия (18%).

В то же время негативной чертой планов адаптации развивающихся стран можно назвать акцент на планировании как таковом. Построение планов на будущее заложено в 48% нынешних документов, в то время как мониторингу и оценке результатов уделяется внимание лишь в 20% текущих планов, а оценка рисков почти отсутствует, только в 5% она включена в адаптационную деятельность.

В докладе ЮНЕП сделан анализ 168 адаптационных проектов, выполненных в развивающихся государствах. Через различные фонды ООН они получили около триллиона долларов, и еще почти 5 триллионов было привлечено в виде софинансирования, что говорит о высокой заинтересованности стран в адаптации. Основная часть проектов (64%) так или иначе была связана с сельским хозяйством и водой, включая проблемы морских побережий. Однако на системы раннего оповещения пришлось только 13%, а адаптация на основе экосистем почти не была представлена (3%).

Высоко были оценены результаты только 4% проектов, большая часть была признана удовлетворительными (41%) или относительно удовлетворительными (38%), а результаты 17% проектов не признаны удовлетворительными. Сложно назвать благополучной и ситуацию с долгосрочностью (устойчивостью) результатов. По этому критерию успешно прошли «тест» лишь 60%, а 40% нет. Также отмечено, что представители около 500 городов объявляли о множестве адаптационных мер, всего примерно 3500, однако не было представлено информации, позволяющей оценить достигнутые результаты.

Такая ситуация в сочетании с недостатком средств сильно тормозит развитие адаптации. Для реализации финансовой цели ПС и для ее адаптационной части крайне важна детальная оценка рисков, «прозрачность» выделения средств и их целевого расходования.